

На правах рукописи

Диакон Сергей Сергеевич Кульпинов

**ПРЕДПОСЫЛКИ, ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ЛИКВИДАЦИЯ
ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО РАСКОЛА В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ
СИБИРИ В 1920-Х – НАЧАЛЕ 1940-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ
НОВОСИБИРСКОЙ, ТОМСКОЙ, ИРКУТСКОЙ И ЧИТИНСКОЙ
ЕПАРХИЙ)**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора церковной истории

Москва – 2023

Работа выполнена на кафедре Церковной истории и общегуманитарных дисциплин Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»

Научный консультант: **Шкаровский Михаил Витальевич**
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви

Официальные оппоненты: **Головушкин Дмитрий Александрович**
доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории религий и теологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Иерей Мазырин Александр Владимирович
доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела новейшей истории Русской Православной Церкви ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Маслова Ирина Ивановна
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Кадастр недвижимости и право» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства»

Ведущая организация: Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Минская Духовная Академия им. святого Кирилла Туровского Белорусской Православной Церкви (Белорусского Экзархата Московского Патриархата)»

Защита состоится: 13 февраля 2024 года в 10.00 часов на заседании Общецерковного докторского диссертационного совета по адресу: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени св. равноап. Кирилла и Мефодия по адресу: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1, а также на официальном сайте ОЦАД по адресу: https://www.doctorantura.ru/images/2023/Kulpinov/Kulpinov_thesis.pdf

Автореферат разослан 27 ноября 2023 года.

Ученый секретарь Общецерковного
докторского диссертационного совета
доктор церковной истории, кандидат исторических наук

 В.И. Петрушко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Можно выделить несколько аспектов актуальности настоящего исследования. Учитывая тот факт, что обновленческий раскол, с одной стороны, являлся следствием влияния политических изменений на религиозную жизнь в Советской России – СССР и стремления части духовенства к «конкордату» с новой властью, а с другой – стал следствием государственной политики, направленной на подавление Православной Церкви, как потенциально нелояльной новому режиму силы, следует рассматривать актуальность его изучения, как в контексте эволюции религиозных идей и взглядов части духовенства, так и в контексте изменений в церковно-государственных отношениях.

В первую очередь, история обновленческого раскола интересна с точки зрения исследования изменений в религиозных структурах и религиозных идеях в контексте политических и социальных сдвигов в обществе и государстве. Отдельного внимания заслуживает развитие обновленческой идеологии в контексте политических преобразований в Советской России – СССР и влияния политических идей на богословские концепции и религиозные практики, поскольку обновленческие церковные структуры стремились к интеграции в советское политическое и идеологическое пространство, сознательно изменяя некоторые богословские положения и церковные практики в соответствии с идеологическим курсом советского государства. Сибирское обновленчество, активно осуществлявшее церковные преобразования в первой половине 1920-х гг. и боровшееся за свой особый статус в расколе, в этом смысле особенно примечательно, поскольку сибирские «архиереи» и некоторые клирики в поддержке советской власти и переносе ее идей на церковную почву шли значительно дальше большинства своих сподвижников в других регионах Советской России – СССР.

Кроме того, обновленчество определенно возникло при активной поддержке советской власти и в дальнейшем пользовалось ей на протяжении большей части

1920-х гг., вследствие чего на его примере можно анализировать, насколько жизнеспособными оказываются подобные государственные проекты в религиозной сфере. В частности, создание так называемой «Православной церкви Украины» при активной поддержке Украинского государства имеет ряд сходных черт с процессом институционализации обновленческого раскола, поэтому исследование истории обновленчества может способствовать более глубокому пониманию реального положения подобных раскольничьих структур и их исторических перспектив, в том числе, жизнеспособности таких структур в случае отказа государства от их поддержки. Также такого рода исследования могут способствовать поиску путей для преодоления подобных расколов с опорой на имеющийся исторический опыт.

Помимо этого, необходимо обозначить, что, в силу утраты ряда основных источников по истории обновленческого раскола на общесоветском уровне (большинства материалов работы обновленческого Священного Синода и Первоиерарха Православных церквей в СССР)¹, сведения о региональной истории обновленчества способны пролить свет на закономерности развития раскола в целом. Ряд документов, относящихся к деятельности Синода и отложившихся в региональных архивах, позволяет реконструировать некоторые аспекты синодальной политики. В этом отношении серьезное исследование истории обновленческих церковных структур на региональном уровне может в дальнейшем позволить проанализировать положение раскола в целом.

Кроме того, исследование сибирского обновленчества позволяет сделать вывод о сходствах и различиях между раскольничьей идеологией и практиками, а также положением епархий и приходов на всесоюзном и региональном уровнях, определить характерные черты именно Сибирской обновленческой церкви в сравнении с остальным расколом и степень ее фактической самостоятельности внутри обновленчества.

¹ Лобанов В.В. Архивные источники по истории «обновленческого» раскола в Русской православной церкви (1922–1946 гг.) // Отечественные архивы. 2014. № 4. С. 71-72.

Еще одним аспектом актуальности настоящего исследования следует назвать крайне слабую изученность рассматриваемой проблематики. Практически отсутствуют систематические работы, посвященные истории обновленческого раскола, как в Сибири в целом, так и в отдельных сибирских регионах.

Таким образом, можно выделить пять аспектов актуальности настоящего исследования:

1. Необходимость исследования обновленческого раскола, как следствия влияния политических изменений в Советской России – СССР на религиозные учения и практики, что в особенности четко просматривается на примере истории Сибирской обновленческой церкви, находящейся в авангарде обновленческих преобразований;

2. Необходимость исследования обновленчества, как результата советской религиозной политики, для понимания закономерностей в истории раскольничьих структур, возникших по инициативе государства, а также поиска путей для постепенного преодоления такого рода расколов;

3. Отсутствие ряда ключевых источников по истории руководящих структур обновленческого раскола, вследствие чего материалы истории обновленческих организаций на региональном уровне позволяют судить об общих тенденциях в истории обновленчества и в дальнейшем могут послужить фундаментом для написания работ, посвященных истории раскола в целом;

4. Возможность вычлнить ключевые особенности истории и богословских идей сибирского обновленчества и установить сходства и различия между обновленческой идеологией, церковными практиками и положением религиозных структур на всесоюзном и сибирском уровнях;

5. Крайне слабую изученность истории обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири и отсутствие систематических исследований, посвященных данной проблематике.

Подытоживая вышесказанное, можно сказать, что настоящее исследование является актуальным, как для собственно церковной истории, так и для истории церковно-государственных отношений.

Степень разработанности темы исследования. Необходимо отметить, что проблематика положения обновленческого раскола в Сибири затрагивалась еще в работах 1930-х гг., изданных в рамках антирелигиозных кампаний в СССР в период коллективизации и период Большого террора. В частности, можно сказать о работах А. С. Долотова «Церковь и сектантство в Сибири»² и К. П. Абросенко «Религия на службе контрреволюции в Сибири»³. Значительными недостатками данных работ, в первую очередь, являются их сугубо пропагандистский характер, а также отсутствие объективных данных о положении обновленческого раскола в Сибири. В частности, в работе «Церковь и сектантство в Сибири» приводятся статистические данные о религиозных организациях в Сибири, однако автор совершенно определенно опирался на сведения, бывшие актуальными до начала антирелигиозной кампании периода коллективизации, и не учитывал массового закрытия храмов, в том числе обновленческих, в 1930 г.⁴ Работа «Религия на службе контрреволюции в Сибири» в большей мере является пропагандистским сочинением, в котором упор автора делается на дискредитацию духовенства и религиозных организаций, уделяется крайне незначительное внимание реальному положению религиозных структур в Сибири, в том числе и положению обновленческого раскола.

В период после Великой Отечественной войны проблема истории обновленческого раскола в Сибири затрагивалась в довольно узком круге работ, посвященных обновленческому расколу в целом. Среди таковых можно сказать о труде А. Э. Краснова-Левитина и В. М. Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты»⁵. Отдельно следует отметить, что авторы, вероятно, в полной мере не работали с источниками по истории обновленчества в Сибири, поскольку допускали довольно существенные хронологические ошибки, говоря именно о сибирской проблематике. Несколько более подробно положение сибирского обновленчества в период институционализации раскола (май 1922 г. – апрель 1923

² Долотов А.С. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930. 128 с.

³ Абросенко К.П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск, 1938. 72 с.

⁴ Долотов А.С. Церковь и сектантство в Сибири. С. 40.

⁵ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. 672 с.

г.) отражено в работе А. И. Кузнецова «Обновленческий раскол в Русской Церкви»⁶ Автор акцентирует внимание на стремлении Сибирской обновленческой церкви к самостоятельности от Москвы, однако показывает многих представителей сибирского обновленчества в исключительно негативном и, местами, даже карикатурном виде⁷.

Внимания заслуживает и работа митрополита Мануила (Лемешевского) «Каталог русских архиереев-обновленцев. Материал для “Словаря русских архиереев-обновленцев” (1922-1946 гг.)»⁸. В рамках данного исследования автор затрагивает биографии ряда сибирских обновленческих «архиереев». Вместе с тем, в тексте работы присутствуют некоторые исторические неточности. Бросается в глаза также отсутствие сведений о репрессиях в отношении обновленческих «иерархов», что вполне обосновывается историческими условиями, в которых создавалось данное исследование.

В наиболее крупной советской религиоведческой работе, посвященной обновленчеству и написанной с научно-атеистических позиций, монографии «Сущность и критическая оценка “обновленческого” раскола русской православной церкви» А. А. Шишкина, подготовленной на основе кандидатской диссертации автора, сибирской проблематике уделено крайне мало внимания. А. А. Шишкин определенно не рассматривал сибирское обновленчество, как отдельный феномен, приводя немногочисленные примеры из его истории только для иллюстрации общего положения раскола в СССР⁹.

Необходимо отметить, что с конца 1980-х гг. в Сибири значительно возрос интерес к местной церковной истории. В период с конца 1980-х по начало 2020-х гг. был опубликован целый ряд церковно-краеведческих работ, затрагивающих, в том числе, и положение сибирских епархий Русской Православной Церкви в

⁶ Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической оценки) / сост. иер. И.В. Соловьев. М., 2002. С. 128-605.

⁷ Там же. С. 307, 315, 346.

⁸ Мануил (Лемешевский), митр. Каталог русских архиереев-обновленцев. Материал для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922-1946 гг.) // Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической оценки) / сост. иер. И.В. Соловьев. С. 606-1062.

⁹ Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань, 1970. 368 с.

1920-х – 1940-х гг. Вместе с тем, проблема обновленчества в большинстве подобных изданий специально не затрагивалась. Во многих работах региональная история обновленческого раскола, либо не рассматривалась вообще, либо исследовалась крайне поверхностно¹⁰. При этом присутствовало тенденциозное отношение к обновленчеству, как феномену строго негативному, не имевшему каких-либо положительных сторон. Следует констатировать, что некоторые авторы в стремлении показать негативные стороны регионального обновленчества прямо нарушали принцип историзма, стремясь гиперболизировать личные недостатки обновленческого духовенства и слабые стороны обновленческих церковных структур.

В этот же период появляется ряд научных исследований, затрагивающих историю обновленческих церковных структур в Западной и Восточной Сибири. Говоря о положении обновленчества в Восточной Сибири, следует в первую очередь отметить исследования И. С. Цыремпиловой¹¹. Несмотря на наличие некоторых неточностей, работы И. С. Цыремпиловой можно назвать значительным шагом в научном исследовании истории Русской Православной Церкви в Восточной Сибири в 1920-х – 1930-х гг. Вместе с тем, автор не проводит

¹⁰ Терновая И.И. Иркутские священнослужители – жертвы массовых политических репрессий 1920-1930-х гг. // Ежегодник музея истории города Иркутска. Иркутск, 2005. С. 89-96; Калинина И.В., Медведев С.И. Казанский кафедральный собор. Иркутск, 2011. 48 с.; История иркутской епархии в XVIII – начале XX в. / Дулов А.В. [и др.]. Иркутск, 2013. 210 с.; Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии XVII – начало XX века. М., 2000. 496 с.; Акулич О.А., Крючкова Т.А., Полунина Н.М. Во имя Спаса Нерукотворного Образа: Документальное повествование о жизни первого каменного храма города Иркутска. 1706–2006. Иркутск, 2008. 488 с.; Богородице-Владимирская церковь в Иркутске: история и современность / Беломестных А.И., иер. [и др.]. Иркутск, 2012. 443 с.; Крючкова Т.А. Хроника преследований и репрессий церковно-священнослужителей и монашества Иркутской епархии (по материалам архива РУ ФСБ РФ по Иркутской области) // Иркутская епархия: официальный сайт. URL: <http://iemp.ru/statiji/detail.php?ID=4275> (дата обращения: 08.08.2023).

¹¹ Цыремпилова И.С. Русская Православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917 – 1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ, 2008. 300 с.; Цыремпилова И.С. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Байкальской Сибири (1917-1930-е гг.): историография и источники. Улан-Удэ, 2008. 134 с.; Цыремпилова И.С. Государственно-конфессиональная политика по отношению к Православию в начале 1920-х гг. (на материалах Байкальской Сибири) // Власть. 2008. № 7. С. 60-62; Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и власть в контексте социокультурной модернизации (на материале Байкальской Сибири) // Власть. 2008. № 10. С. 80-83; Цыремпилова И.С. Документальное наследие РПЦ в исследовании государственно-церковных взаимоотношений в 1917-1930-х гг. на территории Байкальского региона // Власть. 2012. № 9. С. 160-163; Цыремпилова И.С. Бурят-Монгольская епархия в 1920-х – 1930-х гг.: опыт регионального обновленчества // Власть. 2013. № 5. С. 177-180; Цыремпилова И.С. Трансформация церковно-административного управления в 1917-1930-х гг. (на примере Забайкальской епархии) // Власть. 2015. № 10. С. 146-151; Цыремпилова И.С. Региональная власть и религиозные институты на территории Бурятии в 1920-1930-х гг.: специфика и трансформация взаимоотношений // Власть. 2016. № 12. С. 164-168; Цыремпилова И.С. Исторический опыт взаимоотношений власти и Русской православной церкви на территории Байкальского региона в 1920–1930-е гг. // Известия ИГУ. Сер. История. 2017. № 22. С. 93-100.

комплексного исследования положения обновленческого раскола, ограничиваясь обозначением его положения в Восточной Сибири в отдельные периоды существования.

Можно сказать и о некоторых работах, затрагивающих историю отдельных сибирских обновленческих епархий. В частности, история Иркутской обновленческой епархии затрагивается в диссертационном исследовании А. В. Паламарчук «Исторический опыт взаимоотношений государства и церкви в Юго-Восточной Сибири (1920-е – 1930-е гг.)»¹². Вместе с тем, необходимо отметить, что преимущественно автор касается только периода нахождения на Иркутской кафедре «архиепископа» Василия Дмитриевича Виноградова, не рассматривая положение раскола в конце 1920-х гг. и 1930-х гг.¹³

Период истории Иркутской обновленческой епархии в первой половине – середине 1920-х гг. затрагивается в пространной статье священника С. А. Бажкова «Иркутская епархия в советский период», подготовленной на основании дипломной работы автора. Необходимо отметить, что в данной работе обновленческий раскол представлен довольно схематично и также присутствуют некоторые исторические неточности, в частности, «архиепископ» Василий Виноградов называется первым правящим «архиереем» Иркутской обновленческой епархии¹⁴.

Попытка комплексного исследования истории обновленческого раскола в Иркутской епархии предпринята в диссертации автора «Возникновение, развитие и ликвидация обновленческого раскола в Иркутской епархии в 1920-х – 1930-х гг.». Однако следует отметить, что в рамках данного исследования ставилась цель отразить процессы, происходившие в расколе только в рамках Иркутской епархии, поэтому история обновленчества в других регионах Сибири автором

¹² Паламарчук А.В. Исторический опыт взаимоотношений государства и церкви в Юго-Восточной Сибири (1920-е – 1930-е гг.): дис ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 376 с.

¹³ Там же. С. 170-190.

¹⁴ Бажков С.А., иер. Иркутская епархия в Советский период // Иркутская епархия: официальный сайт. URL: http://iemp.ru/statiji/eparhia_vojna.htm (дата обращения: 11.08.2023).

практически не затрагивалась¹⁵. Кроме того, при расширении источниковой базы и географии исследований автор пришел к пересмотру некоторых положений, представленных в данной диссертации.

Попытка комплексного исследования истории обновленческого раскола в Забайкалье была предпринята в пространной статье Д. В. Саввина «Обновленчество в Забайкалье в 1923 – начале 1930-х годов»¹⁶. В данном исследовании достаточно подробно рассмотрена история Забайкальской обновленческой епархии в 1920-х гг., а также уделено внимание предпосылкам обновленческого раскола в Забайкалье, хотя автор не представляет стройной концепции таковых. В то же время, в статье практически не рассматривается история забайкальского обновленчества в 1930-х гг., кроме того, ряд вопросов, в частности, обновленческая пропаганда, освещены весьма поверхностно.

Отдельного внимания заслуживают научные статьи, посвященные отдельным персоналиям и событиям, связанным с историей обновленческого раскола в Восточной Сибири¹⁷. Существенным недостатком подобных работ следует считать отсутствие комплексного взгляда на процессы, происходившие в обновленческом расколе в Восточной Сибири в 1920-х – 1930-х гг.

Проблема локальной истории обновленческого раскола в Восточной Сибири и Забайкалье также затрагивалась исследователями. В частности, можно сказать о научных статьях Е. В. Дроботушенко, посвященных истории обновленчества в г. Иркутске и некоторых районах Забайкалья¹⁸. Также внимания заслуживают статьи священника Н. С. Осипова, посвященные истории Братского

¹⁵ *Кульпинов С.С., диак.* Возникновение, развитие и ликвидация обновленческого раскола в Иркутской епархии в 1920-х – 1930-х гг.: дис ... канд. богословия. СПб., 2021. 362 с.

¹⁶ *Саввин Д.В.* Обновленчество в Забайкалье в 1923 – начале 1930-х годов // Вестник церковной истории. 2012. № 1/2 (25/26). С. 269-296.

¹⁷ *Ильина Е.В., Базалийская О.Т.* Церковный раскол в воспоминаниях священника Иркутской епархии // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 6. С. 235-246; *Петров С.Г.* Диспут с обновленческим митрополитом Александром Введенским в Иркутске (1924 г.): воспоминания участника // Известия ИГУ. Сер. История. 2018. № 26. С. 189-201; *Шашкова Н.В.* Личность священника Николая Семеновича Попова-Кокоулина // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2016. № 16. С. 129-134; *Юрганова И.И.* Неизвестные страницы истории обновленчества в Якутии // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2015. № 14. С. 215-224.

¹⁸ *Дроботушенко Е.В.* К вопросу о количестве православных обновленческих и «староцерковных» храмов в Иркутске в середине третьего десятилетия XX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 3. № 6. С. 115-122; *Дроботушенко Е.В.* Закрытие православных храмов в Восточном Забайкалье в 30-е годы XX века // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 4. С. 99-104.

благочиния Иркутской обновленческой епархии¹⁹. Необходимо отметить, что авторы, занимающиеся локальной историей обновленческого раскола в Восточной Сибири, допускают ряд исторических ошибок и неточностей²⁰.

История обновленческого раскола в Западной Сибири освещена в гораздо меньшей степени, нежели история обновленчества в Восточной Сибири. Говоря о научных исследованиях последних десятилетий, посвященных истории западносибирского обновленчества, необходимо, в первую очередь, отметить работы С. Г. Петрова²¹. Следует подчеркнуть, что, несмотря на значительную источниковую базу, на которую опирается автор, данные работы в ряде аспектов лишены конкретики. В частности, в исследованиях С. Г. Петрова крайне слабо освещены вопросы истории западносибирского обновленчества в 1930-х гг.²²

¹⁹ *Осинов Н.С.* Приходы Братского благочиния Иркутской епархии в 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (21). С. 151-154; *Осинов Н.С., иер.* Обновленческий раскол в Иркутской епархии в 1920-1930-е гг. (на примере приходов Братского благочиния) // Братская епархия: официальный сайт. URL: <https://pravbratsk.ru/obnovlencheskij-raskol-v-irkutskoj-eparhii-v-1920-1930-e-gg-na-primere-prihodov-bratskogo-blagochiniija/> (дата обращения: 08.08.2023).

²⁰ В частности, Е. В. Дроботушенко игнорирует факт нахождения на Иркутской обновленческой кафедре «архиепископа» Николая Ивановича Чижова (*Дроботушенко Е.В.* К вопросу о количестве православных обновленческих и «староцерковных» храмов в Иркутске в середине третьего десятилетия XX века. С. 117); Священник Н. С. Осипов игнорирует факт существования Восточно-Сибирской обновленческой митрополии и неверно датирует управление Иркутской обновленческой епархией рядом «архиереев» (*Осинов Н.С., иер.* Обновленческий раскол в Иркутской епархии в 1920-1930-е гг. (на примере приходов Братского благочиния) // Братская епархия: официальный сайт. URL: <https://pravbratsk.ru/obnovlencheskij-raskol-v-irkutskoj-eparhii-v-1920-1930-e-gg-na-primere-prihodov-bratskogo-blagochiniija/> (дата обращения: 08.08.2023)).

²¹ *Петров С.Г.* Обновленческий церковный раскол в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 79-82; *Петров С.Г.* Листовка «Памятка для церковников» как источник по истории обновленческого раскола на Алтае // Вестник НГУ. Сер. История. Филология. 2020. Т. 19. № 1. С. 132-143; *Петров С.Г.* К истории обновленческого церковного раскола в г. Новониколаевске // Новосибирская область в контексте российской истории: Материалы регион. ист.-краевед. конф. Новосибирск, 2001. С. 162-166; *Петров С.Г.* Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в информационном освещении губернскими отделами ГПУ Сибири // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–2 XX вв.: Материалы регион. науч. конф. (18–19 декабря 1997 г.). Вып. II. Новосибирск, 1997. С. 80–83; *Петров С.Г.* К биографии обновленческого митрополита Сибирского Петра (Блинова). Часть I // Памятники отечественной книжности: Новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 131–153; *Петров С.Г.* К биографии обновленческого митрополита Сибирского Петра (Блинова). Часть II // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 122–143; *Петров С.Г.* Циркулярные послания обновленческого Сибирского областного церковного совета о патриархе Тихоне // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1: История. С. 210–217; *Петров С.Г.* К биографии обновленческого митрополита Сибирского Петра (Блинова). Часть III // Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 150–176; *Петров С.Г.* Из истории борьбы с обновленчеством православных верующих Дальнего Востока России // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 41–45; *Петров С.Г.* Покаянное послание новониколаевского священника патриарху Тихону (1924 г.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8: История. С. 177–183; *Петров С.Г.* «Покаяние» протоиерея Николая Афанасьева – эпистолярный источник по истории обновленческого церковного раскола в Новониколаевске // Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Новосибирской области. 27 апреля 2012 г. Новосибирск, 2012. Ч. 2. С. 119–122.

²² *Петров С.Г.* К истории обновленческого церковного раскола в г. Новониколаевске. С. 165; *Петров С.Г.* Обновленческий церковный раскол в Сибири. С. 81.

Аналогично лишена конкретики статья А. А. Никулина, в которой автор рассматривает положение обновленческого раскола в Западной Сибири²³.

Весьма кратко история Томской обновленческой епархии отражена в работе протоиерея М. Фаста и Н. В. Фаст «Нарымская голгофа. Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в Советский период»²⁴. Авторы затрагивают процесс институционализации раскола на епархиальном уровне, а также уделяют внимание репрессиям в отношении обновленческого духовенства и закрытиям храмов обновленческой юрисдикции²⁵. Кроме того, весьма подробно исследуется положение Томской епархии в годы революций и Гражданской войны в Сибири, хотя этот период и не анализируется с точки зрения поиска потенциальных предпосылок обновленческого раскола²⁶. В то же время ряд вопросов, связанных с положением обновленческой епархии и ее деятельностью, в исследовании не рассматриваются.

Отдельные аспекты истории обновленчества в Западной Сибири также затрагиваются в диссертационных исследованиях иеромонаха Симона (Истюкова)²⁷ и священника В. Гуляева²⁸, посвященных истории Новосибирской епархии в разные периоды советской эпохи. Следует отметить, что оба автора не ставили перед собой цели исследовать положение обновленческого раскола, поэтому упоминают о нем преимущественно только в контексте истории Патриаршей Церкви в Западной Сибири.

Вопрос об институционализации обновленческого раскола в Сибири и его развитии в западносибирских епархиях в первой половине 1920-х гг. рассматривается в работе протоиерея В. Лавринова «Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922-1945)». Протоиерей В. Лавринов

²³ Никулин А. А. Обновленческий раскол в Западной Сибири в 1920-х – 1930-х гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 85-90.

²⁴ Фаст М.В. свящ., Фаст Н.П. Нарымская голгофа. Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в Советский период. Томск, М., 2004. 560 с.

²⁵ Там же. С. 43-57, 116-120.

²⁶ Там же. С. 13-27.

²⁷ Симон (Истюков С.Э.), иером. Новосибирская епархия в 1920-е – 1960-е гг.: проблемы внутреннего устройства и взаимоотношений с атеистическим государством: дис ... канд. богословия. М., 2019. 260 с.

²⁸ Гуляев В.В., иер. История Новосибирской епархии (1924 – 1988 годы): дис ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2019. 280 с.

довольно емко характеризует общее положение раскола в Сибири и возникновение руководящих обновленческих институций, уделяя внимание также положению Тюменской и Тобольской епархий. Вместе с тем, автор совершенно не затрагивает восточносибирской проблематики. Отдельно следует сказать, что история западносибирского обновленчества и общесибирских обновленческих структур в исследовании представлена довольно схематично, поскольку основное внимание автора сосредоточено на уральской проблематике²⁹.

Отдельно следует отметить, что проблема предпосылок обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири довольно кратко отражена в исследовании А. В. Дулова и А. П. Санникова «Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX века»³⁰ и диссертационном исследовании О. Н. Устьянцевой «Томская епархия в конце XIX – начале XX века»³¹.

В ряде общих работ, посвященных истории обновленческого раскола, сибирской проблематике уделяется крайне незначительное внимание. В качестве подобных примеров можно привести исследования священника И. Соловьева³² и В. В. Лобанова³³. Биографии сибирских обновленческих «иерархов» представлены в работе протоиерея В. Лавринова «Обновленческий раскол в портретах его деятелей»³⁴, однако следует подчеркнуть, что данное исследование, несмотря на свой фундаментальный характер, имеет ряд недостатков. В первую очередь, следует сказать о ряде исторических неточностей в биографиях отдельных сибирских «архиереев» и при описании положения некоторых обновленческих церковных структур в Сибири³⁵. Помимо этого, серьезным недостатком работы следует считать отсутствие научно-справочного аппарата, вследствие чего проверить некоторые доводы автора относительно событий

²⁹ Лавринов В.В., *прот.* Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922-1945). М., 2007. С. 43-52.

³⁰ Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX века. Иркутск, 2006. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/church/ (дата обращения: 11.08.2023).

³¹ Устьянцева О.Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX века: дис ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 260 с.

³² Соловьев И. В., *иер.* Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов. М., 2002. С. 3-64.

³³ Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922 – 1946 гг.). СПб., 2019. 268 с.

³⁴ Лавринов В.В., *прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. 736 с.

³⁵ Там же. С. 88, 151-152, 215, 250.

жизни отдельных сибирских обновленческих «архиереев» не представляется возможным.

Подводя итоги вышесказанному, можно обозначить, что на сегодняшний день отсутствуют систематические исследования, посвященные предпосылкам и процессам институционализации, развития и ликвидации обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в целом, а также в Новосибирской, Томской и Читинской епархиях в отдельности. Имеющиеся исследования, по преимуществу, освещают историю раскола только в отдельных регионах Сибири, зачастую, лишены конкретики и не претендуют на комплексное рассмотрение данной проблематики.

Источниковая база исследования. Используемые в настоящем исследовании источники, в первую очередь, следует подразделить на опубликованные и неопубликованные.

Опубликованные источники. К числу опубликованных источников следует отнести, в первую очередь, материалы обновленческой периодической печати. Особенный интерес представляют центральные обновленческие издания, в частности, журнал «Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви» (с 1928 г. – «Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР»). Значительного внимания заслуживают опубликованные в данном издании статистические данные о числе обновленческих приходов и епархий, материалы работы обновленческого III Поместного собора Православной Российской Церкви (октябрь 1925 г.), а также указы о назначениях и перемещениях обновленческих «архиереев». Данные материалы позволяют судить о количественном составе сибирского обновленчества и синодальной политике в отношении Сибири. Вместе с тем, необходимо отметить, что представленные в журнале статистические данные не всегда в полной мере отражали действительность³⁶, поэтому, зачастую, необходима их корреляция с

³⁶ В частности, неверная статистика давалась по итогам развития обновленчества в 1927 г. (Бюллетень информационно-организационного отдела при Священном Синоде от 7 февраля 1928 г. // Вестник Священного Синода православных церквей в СССР. 1928. № 2. С. 10).

неопубликованными источниками. Несомненный интерес представляют и статьи сибирских обновленческих «архиереев», публиковавшиеся в журнале «Вестник Священного Синода», в частности, богословские статьи «архиепископа» Томского Сергия Павловича Дмитриевского (Дмитревского), позволяющие судить о развитии богословской мысли в сибирском обновленчестве.

Помимо центральной обновленческой печати несомненный интерес представляют и сибирские обновленческие периодические издания. В первую очередь, необходимо отметить газету «Сибирская церковь», издававшуюся в 1922 г. Сибирским церковным управлением. Материалы газеты проливают свет на процессы институционализации раскола и подготовку к обновленческому II Поместному собору в Сибири. В большей мере примечательны материалы, опубликованные в газете «Церковный вестник», издававшейся в Иркутске с марта 1925 г. по август 1928 г. С октября 1926 г. газета получила статус общесибирского обновленческого церковного издания и публиковала материалы работы не только Иркутской, но и ряда других сибирских епархий, а также предписания Сибирского областного митрополитанского церковного управления. Материалы газеты «Церковный вестник» позволяют судить о положении раскола в Сибири в середине – начале второй половины 1920-х гг. Примечательно также, что издание перепечатывало синодальные постановления, ряд которых не публиковались в «Вестнике Священного Синода».

Еще одну группу опубликованных источников представляют материалы советской периодической печати. В первую очередь, следует говорить о материалах сибирских периодических изданий. Среди таковых можно назвать газеты «Советская Сибирь» (Новосибирск), «Красное знамя» (Томск), «Власть труда» (Иркутск), «Красноярский рабочий» (Красноярск), «Забайкальский рабочий» (Чита) и ряд других периодических изданий. Данные газеты в период институционализации раскола стояли на прообновленческих позициях, а с 1923 г. уже перешли к критике раскола с позиций антирелигиозной пропаганды. По этой причине в период институционализации раскола из публиковавшихся в них

материалов можно почерпнуть сведения о положении раскола и действиях обновленческих структур на региональном уровне.

Отдельный интерес в контексте анализа предпосылок обновленческого раскола в Сибири представляют материалы епархиальных периодических изданий периода с 1905 по 1920 гг. В частности, проблема предпосылок раскола освещена в некоторых материалах таких изданий, как «Гомские епархиальные ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости», «Забайкальские епархиальные ведомости» и ряда других сибирских епархиальных журналов.

В отдельную группу опубликованных источников следует выделить опубликованные в качестве брошюр декларации обновленческих организаций, материалы всероссийских и епархиальных соборов и съездов первой половины 1920-х гг. Вместе с тем, необходимо отметить, что в Сибири материалы церковных съездов в качестве отдельных изданий не публиковались. Подобные брошюры интересны, скорее, для анализа общесоветского контекста сибирского церковного движения и сравнения событий, разворачивавшихся в Сибири, с происходившими в тот же период в Европейской России. Среди таковых источников примечательными, на наш взгляд, являются «Устав Гражданина Белого Духовенства “Живая Церковь”»³⁷, «Деяния II-го Всероссийского Поместного собора Православной церкви»³⁸, опубликованные протоколы «Что постановил Владимирский губернский съезд духовенства и мирян 27-го марта 1923 года»³⁹ и «Протокол Архангельского епархиального съезда духовенства и мирян 1924 г.»⁴⁰, а также ряд иных опубликованных документов.

В отдельную группу представляется возможным выделить также полемические и богословские работы, в частности, к таковым можно отнести сборник докладов «Обновленцы по суду канонов Вселенской Православной

³⁷ Устав Гражданина Белого Духовенства «Живая Церковь». Нолинск, 1922. 8 с.

³⁸ Деяния II-го Всероссийского Поместного собора Православной церкви : Бюллетени. М., 1923. 20 с.

³⁹ Что постановил Владимирский губернский съезд духовенства и мирян 27-го марта 1923 года. Владимир, 1923. 16 с.

⁴⁰ Протокол Архангельского епархиального съезда духовенства и мирян 1924 г. Архангельск, 1924. 16 с.

Церкви», изданный в Уфе в 1927 г., и содержащий последовательную критику обновленчества с позиций Православного вероучения⁴¹.

Еще одной группой опубликованных источников следует считать опубликованные источники личного происхождения, в частности, дневниковое и мемуарное наследие. Например, говоря об истории раскола в Восточной Сибири, можно упомянуть об опубликованных дневниках настоятеля иркутской Знаменской церкви протоиерея П. Попова⁴² и Н. С. Романова⁴³.

При анализе положения раскола на общесоветском уровне значительную ценность представляют опубликованные сборники документов⁴⁴, которые следует выделить в отдельную группу опубликованных источников.

Неопубликованные источники. При осуществлении настоящего исследования автор опирался на материалы Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Исторического архива Омской области (далее – ИАОО), Государственного архива Новосибирской области (далее – ГАНО), Государственного архива Томской области (далее – ГАТО), Центра документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО), Государственного архива Кемеровской области (далее – ГАКО), Государственного архива Красноярского края (далее – ГАКК), Государственного архива Иркутской области (далее – ГАИО), Государственного архива новейшей истории Иркутской области (далее – ГАНИИО), Государственного архива Республики Бурятия (далее – ГАРБ), Государственного архива Забайкальского края (далее – ГАЗК), Государственного архива Хабаровского края (далее – ГАХК), Архива регионального управления ФСБ по Новосибирской области (далее – Архив РУ ФСБ по НО), Архива регионального управления ФСБ по Томской области (далее

⁴¹ *Затворник А.* Обновленцы по суду канонов Вселенской Православной Церкви. Уфа, 1927. 132 с.

⁴² *Попов П.А., прот.* Дневник настоятеля Иркутской Знаменской церкви (бывшего Иркутского женского Знаменского монастыря) священника Петра Попова. 23 апреля 1922 г. – 15 марта 1927 г. Иркутск, 2011. 383 с.

⁴³ *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902 - 1924 гг. Иркутск, 1994. 560 с.

⁴⁴ Акты Святейшего Тихона Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 гг. / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. 1064 с.; Следственное дело патриарха Тихона: Сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ / отв. сост. Н.А. Кривова. М., 2000. 1048 с.; Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. В 2-х кн. Кн. 2 / изд. подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М. – Новосибирск, 1998. 647 с.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917 – 1941. Документы и фотоматериалы / отв. сост. О.Ю. Васильева. М., 1996. 352 с.

– Архив РУ ФСБ по ТО), Архива регионального управления ФСБ по Иркутской области (далее – Архив РУ ФСБ по ИО), Личного архива семьи Введенских (далее – ЛА семьи Введенских), Личного архива священника И. Соловьева (далее – ЛА свящ. И. Соловьева), а также своего личного архива (далее – ЛА автора). В общей сложности были задействованы материалы восемнадцати архивов: двенадцати государственных, трех ведомственных и трех личных.

Говоря о неопубликованных источниках исследования, следует подчеркнуть, что в разных сибирских архивах история местных обновленческих институций представлена различно. Наиболее полные подборки документов, отражающих деятельность обновленческих церковных структур, представлены в Сибири и на Дальнем Востоке в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО. Ф. 485 «Иркутское епархиальное церковное управление») и Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК. Ф. Р-422 «Забайкальское епархиальное церковное управление»). Находящиеся в этих фондах документы можно разделить на несколько групп, основными из которых являются:

1. Материалы обновленческого Священного Синода, направляемые в епархии и отчеты епархий в синодальные структуры;
2. Материалы Сибирской обновленческой церкви и Дальневосточного митрополитанского церковного управления, направляемые в епархии и отчеты епархий в краевые церковные структуры;
3. Протоколы заседаний епархиальных и викариальных органов управления;
4. Распоряжения правящих и викарных «архиереев»;
5. Протоколы епархиальных и викариальных съездов;
6. Материалы работы благочиний и приходов.

В Государственном архиве Новосибирской области интерес представляет фонд «Татарский уездный церковный совет» (ГАНО. Ф. Р-1485), содержащий, как материалы работы собственно уездного церковного совета (в середине 1920-х гг. – викариального церковного управления), так и довольно значительное число постановлений Сибирского областного церковного совета, а также протоколы

всесибирских церковных съездов 1924 г. и 1926 г. и некоторые материалы, относящиеся к работе Новосибирской обновленческой епархии в 1920-х гг.

Несомненный интерес вызывают также материалы, отложившиеся в Историческом архиве Омской области, в частности, в фонде «Омское епархиальное управление Сибирской церкви» (ИАОО. Ф. Р-164) отложились клировые ведомости обновленческих церквей, содержащие ценные сведения о положении общин и духовенства в обновленческом расколе в 1920-х гг.

В Государственном архиве Красноярского края, Государственном архиве Томской области, Государственном архиве Кемеровской области и Государственном архиве Республики Бурятия материалы работы обновленческих церковных структур довольно немногочисленны и разрозненны. Некоторые сведения о развитии обновленческого раскола в этих регионах можно почерпнуть из фондов советских государственных учреждений⁴⁵.

Отдельные материалы, касающиеся положения Патриаршей Церкви и обновленческого раскола в 1920-х – начале 1930-х гг. в Новосибирской епархии, отложились в личном архиве автора. В частности, в собрании автора присутствуют документы, относящиеся к деятельности руководящих органов Сибирской обновленческой церкви и некоторые фрагменты ее переписки с епархиями и государственными учреждениями.

Отдельного внимания заслуживают сохранившиеся материалы работы центральных органов управления обновленческого раскола. В первую очередь, следует сказать о протоколах заседаний обновленческого Священного Синода за 1932 г., отложившихся в архиве библиотеки Московской Духовной Академии, с копией которых, находящейся в Личном архиве священника И. Соловьева, работал автор. Также внимания заслуживает личный архив семьи Введенских («митрополита» Александра Ивановича Введенского и его сына протодиакона А. Введенского), открытый священником И. Соловьевым, однако, следует отметить,

⁴⁵ ГАКК. Ф. П-1 «Енисейский губком РКП (б)»; ГАКК. Ф. Р-1386 «Исполком Красноярского крайсовета»; ГАТО. Ф. Р-202 «Томский уездный исполнительный комитет советов крестьянских и красноармейских депутатов»; ГАРБ. Ф. Р-248 «Совет министров (Совмин) Республики Бурятия».

что в данном архиве отложились, преимущественно, материалы, касающиеся положения обновленческого раскола в годы Великой Отечественной войны, когда сибирское обновленчество уже прекратило свое существование.

При анализе возможных предпосылок обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири несомненный интерес представляют материалы фондов епархиальных духовных консисторий. В частности, возможные предпосылки раскола отражены в делах Томской духовной консистории (ГАТО. Ф. 170), и Иркутской духовной консистории (ГАИО. Ф. 50).

Политика советской власти в отношении религиозных структур в Сибири отражена в материалах фондов, относящихся к деятельности партийных органов и органов государственного управления в Сибири в 1920-х – 1930-х гг. В этом отношении значительный интерес представляют материалы Томского губернского исполнительного комитета (ГАТО. Ф. Р-173), Иркутского губернского комитета ВКП (б) (ГАНИИО. Ф. 1), Енисейского губернского комитета РКП (б) (ГАКК. Ф. П-1), Совета министров Республики Бурятия (ГАРБ. Ф. Р-248), Омского областного исполнительного комитета (ИАОО. Ф. Р-437), Исполнительного комитета красноярского краевого совета (ГАКК. Ф. Р-1386), Томского уездного исполнительного комитета советов крестьянских и красноармейских депутатов (ГАТО. Ф. Р-202), Исполнительного комитета Восточно-Сибирского края (ГАИО. Ф. Р-600), Сибирского краевого исполнительного комитета (ГАНУ. Ф. П-2). Определенный интерес представляет также фонд уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Новосибирской области (ГАНУ. Ф. Р-1418). Несмотря на то, что деятельность уполномоченного началась уже после ликвидации большинства обновленческих общин в Западной Сибири, в фонде отложились некоторые материалы, относящиеся к процессам институционализации раскола в 1922 – начале 1923 г. и ликвидации обновленческих приходов в конце 1920-х – начале 1940-х гг. Несомненный интерес вызывают документы, касающиеся контроля обновленчества со стороны государственных карательных органов на Дальнем

Востоке, отложившиеся в фонде особого уполномоченного ОГПУ по Дальнему Востоку в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК. Ф. 424).

При анализе процесса ликвидации обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири несомненный интерес представляют материалы, отложившиеся в фонде Постоянной Центральной Комиссии по вопросам культи при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-5263). Также несомненный интерес представляют материалы ведомственных архивов региональных управлений ФСБ. В частности, материалы по репрессиям в отношении сибирского обновленческого духовенства содержатся в Архиве регионального управления ФСБ по Новосибирской области, Архиве регионального управления ФСБ по Томской области и Архиве регионального управления ФСБ по Иркутской области.

Подводя итоги вышесказанному, можно выделить следующие группы неопубликованных источников:

1. Подборки материалов деятельности региональных обновленческих структур;
2. Отдельные документы, связанные с деятельностью региональных обновленческих структур;
3. Материалы деятельности центральных органов управления обновленческого раскола;
4. Материалы деятельности епархиальных духовных консисторий в дореволюционный период, период 1917 г. и период Гражданской войны;
5. Материалы, посвященные государственной политике в отношении обновленческого раскола в 1920-х – 1940-х гг.;
6. Документы, касающиеся репрессий против обновленческого духовенства, в ведомственных архивах структур ФСБ России;

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является осуществление комплексного анализа возможных предпосылок и процессов возникновения, развития и ликвидации обновленческого раскола в Западной и

Восточной Сибири на материалах Новосибирской, Томской, Иркутской и Читинской (Забайкальской) епархий.

Для достижения вышеназванной цели автор ставит перед собой следующие задачи:

1. Исследовать развитие реформистских идей и симпатий к социалистической идеологии в среде духовенства Западной и Восточной Сибири и определить наличие или отсутствие предпосылок обновленческого раскола в рассматриваемых регионах в 1905-1921 гг.;

2. Проанализировать процесс становления обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в контексте внутренних и внешних факторов: влияния государственной политики, следствий кампании по изъятию церковных ценностей, влияния становления раскола на общероссийском уровне, роли личностного фактора в становлении раскола в Сибири;

3. Определить ключевые особенности положения и идеологии Сибирского обновленчества в период институционализации и степень их отражения в отдельных епархиях на территории Западной и Восточной Сибири;

4. Установить общее положение обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири, а также положение Новосибирской, Томской, Иркутской и Забайкальской епархий в период между II и III обновленческими Поместными соборами;

5. Определить основные особенности развития идеологии сибирского обновленчества в период от начала II до начала III обновленческих Поместных соборов;

6. Исследовать положение обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в период от III обновленческого Поместного собора до разделения Сибирской митрополии в январе 1931 г. и выявить его основные особенности, как на уровне Сибирской митрополии, так и на уровне отдельных епархий;

7. Проанализировать положение Западно-Сибирской и Восточно-Сибирской обновленческих митрополий в 1931 – начале 1935 гг. и обозначить

основные сложности в осуществлении деятельности обновленческих церковных структур в данный период и особенности процесса постепенного свертывания церковных реформ и обновленческой пропаганды;

8. Определить основные тенденции в положении обновленческих епархий в Западной и Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. и ключевые особенности процесса окончательной ликвидации сибирского обновленчества на фоне массового закрытия храмов и репрессий в отношении «архиереев» и духовенства.

В соответствии с поставленной целью и выдвинутыми задачами диссертационное исследование разделено на пять глав по хронологическому принципу. При делении глав на параграфы и пункты использовались, как хронологический, так и территориальный принципы. В силу того, что некоторые периоды истории отдельных исследуемых епархий довольно скудно отражены в источниках, в отдельных главах история нескольких епархий исследуется в рамках одного параграфа.

Объектом исследования является обновленческий раскол в истории Русской Православной Церкви. **Предметом исследования** следует считать процессы формирования предпосылок, становления, развития и ликвидации обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири.

Хронологические рамки исследования включают период с 1905 по 1941 г.: от Первой русской революции и зарождения церковно-реформаторских стремлений в среде сибирского духовенства до окончательной ликвидации последних обновленческих общин на территории бывших Новосибирской и Томской епархий. Несмотря на то, что обновленческий раскол в Сибири зарождается в июне 1922 г., представляется необходимым определить наличие возможных предпосылок раскола, начиная с 1905 г. В силу того, что после 1941 г. попыток возрождения обновленческой церковной жизни в Сибири не предпринималось, исследование заканчивается этой датой, хотя фактически обновленчество в некоторых других регионах СССР продолжало существовать еще около десяти лет.

Территориальные рамки исследования включают территорию Сибирского края в границах 1925 г., а также территорию современных Тюменской и Курганской областей, не входивших в состав Сибирского края, но некоторое время подчиненных обновленческому Сибирскому областному митрополитанскому церковному управлению, территорию Дальневосточного края и территорию Бурят-Монгольской АССР в границах 1926 г. Несмотря на то, что автор уделяет основное внимание четырем епархиям (Новосибирской, Томской, Иркутской и Читинской), в диссертации рассматривается также положение обновленческого раскола в Сибири и на Дальнем Востоке в целом, поэтому целесообразно говорить о достаточно широких территориальных рамках исследования.

Научная новизна исследования. В силу отсутствия систематических исследований по истории обновленческого раскола в Сибири, настоящая диссертационная работа впервые представляет комплексный анализ возможных предпосылок обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири, а также процессов возникновения, развития и ликвидации сибирского обновленчества. Автор заостряет внимание на специфике обновленческого раскола в Сибири, показав его принципиальные отличия от обновленчества в других регионах СССР. Важно отметить также, что в работе освещается не только развитие и эволюция обновленческих институций, но и зарождение, эволюция и окончательное угасание идеологии сибирских обновленцев, что ранее никогда специально не исследовалось. В рамках исследования задействуется значительный пласт неопубликованных источников, ранее не введенных в научный оборот. Также внимание автора сосредоточено на слабо исследованных опубликованных источниках, в первую очередь, материалах периодической печати.

Научно-практическая значимость исследования. В результате осуществления настоящего исследования создается стройная концепция существовавших предпосылок, возникновения, развития и ликвидации обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири. Основным результатом исследования является комплексный анализ истории региональных

обновленческих институций в Сибири, их взаимоотношений с руководящими структурами обновленческого раскола, Патриаршей Церковью, общесоветскими и региональными государственными структурами, Временным высшим церковным советом и иными религиозными организациями в Советской России – СССР, а также развития сибирского обновленческого богословия. На основе выводов данного исследования можно анализировать положение и перспективы инспирированных государственными структурами церковных расколов в современном мире. Материалы исследования в дальнейшем могут быть использованы при написании комплексных работ по истории обновленческого раскола, истории обновленческого богословия, а также влияниям социальных процессов на религиозные идеи и институции. Кроме того, материалы данного исследования могут быть использованы при преподавании общих и специальных курсов по истории Русской Православной Церкви.

Методология и методы исследования. В рамках диссертационного исследования задействуется широкий спектр общенаучных и специфически исторических методов. В первую очередь автор отталкивается от принципа историзма, который подразумевает рассмотрение явлений в их конкретных исторических условиях и связях, объективный взгляд на события и личности вне зависимости от личных симпатий автора. Помимо этого, в исследовании применяется социальный подход, который подразумевает необходимость учитывать особенности, интересы, традиции и психологию православного духовенства, как сословной группы, а также влияния субъективных причин на положение обновленческого раскола в Сибири на разных этапах его существования.

Из числа общенаучных методов автор использует дедукцию, индукцию, анализ, синтез, аналогию, обобщение и абстрагирование.

Из числа специфически исторических методов используются историко-генетический метод при анализе возможных предпосылок и процессов становления обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири, хронологически-проблемный метод при анализе становления и развития

обновленческого раскола в Сибири, биографический метод при исследовании влияния личностей обновленческих «иерархов» и клириков на развитие раскола, синхронный метод исторического познания при анализе одних и тех же процессов и событий в различных сибирских обновленческих епархиях, а также историко-сравнительный метод при сопоставлении процессов, развивавшихся в обновленческом расколе в Сибири, с ситуацией в других регионах СССР и при анализе процессов в разных епархиях и викариатствах, находящихся в подчинении Сибирской церкви.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В исследуемых сибирских регионах в период с 1905 по 1921 г. имел место ряд идей, созвучных обновленческим церковным реформам, причем сторонники некоторых из них приняли активное участие в становлении сибирского обновленчества.

2. Становление обновленческого раскола в Сибири, как и в остальной Советской России, происходит при активной поддержке государственных структур, социальной базой для раскола становится духовенство, поддержавшее кампанию по изъятию церковных ценностей.

3. С первых месяцев своего существования сибирское обновленчество берет курс на тотальное внедрение женатого «епископата» и борьбу с монашеством. Распространение данной идеологии позволяет воспринимать «Сибирскую Живую церковь» этого периода, как отдельную обновленческую церковную группировку.

4. На обновленческом II Поместном соборе сибирский белый «епископат» был признан только после дискуссий и при вмешательстве государственной власти, являясь неканоничным не только для Патриаршей Церкви, но и для самих обновленцев. Сибирская идеология не получила на соборе полноценной поддержки, что побудило ее сторонников к дальнейшему развитию собственных идей и стремлениям к автокефалии Сибири.

5. В период между II и III обновленческими Поместными соборами в Сибири приобретает массовый характер возвращение духовенства и общин в

Патриаршую Церковь, столкнувшись с которым обновленчество оказалось в крайне тяжелом положении и не имело возможностей для осуществления ряда декларируемых преобразований.

6. После обновленческого III Поместного собора автокефалистские устремления сибирских обновленцев постепенно угасают, однако собственная идеология продолжает развиваться в Сибири. После 1927 г. в большинстве рассматриваемых епархий прекращается процесс перехода приходов и клира в Патриаршую Церковь, обновленчество входит в состояние стагнации, значительно сокращаясь вследствие гонений на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

7. В первой половине 1930-х гг. обновленческий раскол в Западной и Восточной Сибири продолжает сокращаться. На этом фоне усиливается контроль над сибирскими епархиями со стороны Священного Синода и полностью угасает собственно сибирская обновленческая идеология.

8. Во второй половине 1930-х гг. обновленчество в Сибири вследствие продолжающихся гонений полностью отказывается от пропаганды и утрачивает основную идентичность. Окончательный удар по расколу в Сибири наносят репрессии 1937-1938 гг., после которых действующими остаются только единичные приходы, полностью ликвидированные к середине 1941 г.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности настоящего исследования обусловлена привлечением широкого круга исторических источников, а также использованием объективных научных методов и опорой на принцип историзма в данной работе.

Результаты исследования представлены автором в девятнадцати статьях, из которых десять опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ, и девять – в журналах и изданиях из третьего раздела Общецерковного перечня рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней доктора богословия, доктора церковной истории, доктора церковного права, доктора церковного искусства и кандидата богословия.

Кроме того, результаты исследования были апробированы автором в виде докладов на тридцати четырех международных, всероссийских, межрегиональных и региональных научных, научно-практических и научно-богословских конференциях и круглых столах.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура диссертации, в соответствии с поставленной целью исследования и выдвинутыми задачами, состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованных источников и литературы и шести приложений.

Во **Введении** обоснована актуальность проведенного исследования, определена степень разработанности темы диссертации, обозначена и кратко охарактеризована источниковая база исследования, поставлена цель и выдвинуты задачи исследования, определены его хронологические и территориальные рамки. Также указана научная новизна диссертационной работы, ее научно-практическая значимость и методология, выдвинуты основные положения, выносимые на защиту, указаны степень достоверности и апробация результатов диссертации.

Первая глава **«Проблема предпосылок обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в 1905-1921 гг.»** посвящена анализу возможных предпосылок обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири на материалах Томской, Иркутской и Забайкальской епархий.

В первом разделе главы, **«Проблема предпосылок обновленческого раскола в дореволюционный период в Томской, Иркутской и Забайкальской епархиях (1905 – 1917 гг.)»**, исследуются потенциальные предпосылки раскола в трех рассматриваемых епархиях в период с 1905 по 1917 гг. Указывается, что сам вопрос о наличии подобных предпосылок в современной науке является дискуссионным. Автор предлагает разделять возможные предпосылки на внутрицерковные и социально-политические, относя к первым совокупность стремлений к церковным реформам и понимая под вторыми симпатии

духовенства к социалистическим и революционным идеям и участие клириков в социалистических партиях и организациях.

Делается вывод о том, что только в Томской епархии усматривается связь между обсуждением церковных реформ в дореволюционный период и обновленческим расколом. При этом убедительные социально-политические предпосылки раскола отсутствовали во всех исследуемых епархиях.

Во втором разделе, **«“Церковный феврализм” и возможные предпосылки обновленческого раскола в Томской, Иркутской и Читинской епархиях в феврале – октябре 1917 г.»**, анализируются потенциальные предпосылки обновленческого раскола в трех исследуемых епархиях в период от Февральской до Октябрьской революций в контексте общего отношения духовенства к Временному правительству. Автор разделяет период марта-июня 1917 г., когда в среде сибирского духовенства поддержка Февральской революции и Временного правительства фактически имела тотальный характер, и период июля-октября 1917 г., когда, ввиду ряда обстоятельств, клирики начинают разочаровываться во Временном правительстве.

В рамках раздела делается вывод о том, что весной 1917 г. на первый план в жизни исследуемых епархий вышел ряд будущих обновленцев, активно включившихся в революционные процессы. Вместе с тем, по мере общего разочарования во Временном правительстве, почти все они утратили лидирующие позиции в епархиальной жизни и не были избраны на Поместный собор, открывшийся в 1917 г.

В третьем разделе, **«Томская, Иркутская и Читинская епархии в период от Октябрьской революции до начала 1920 г.: церковный большевизм, сибирское областничество и возможные предпосылки обновленческого раскола»**, исследуются потенциальные предпосылки раскола в Сибири в период первого установления советской власти и период Гражданской войны. Особое внимание уделяется проблеме церковного большевизма, а также развитию идеи церковных реформ в условиях установления советской власти и Гражданской войны.

Автор приходит к выводу о том, что политика по отделению Церкви от государства в Сибири привела к росту недовольства советской властью со стороны духовенства и, в дальнейшем, к активной поддержке рядом клириков белых правительств, что в целом отражало общероссийские тенденции. Церковный большевизм в этот период в исследуемых епархиях не сложился. В то же время в томской церковной печати поднимались отдельные вопросы, созвучные обновленческим церковным реформам.

В четвертом разделе, **«Томская, Иркутская и Забайкальская епархии в 1920-1921 гг.: общее положение церковных структур в условиях восстановления советской власти и проблема непосредственных предпосылок обновленческого раскола»**, рассматриваются процессы отделения Церкви от государства в исследуемых епархиях в условиях окончательного установления советской власти, а также анализируются непосредственные предпосылки обновленческого раскола.

Делается вывод о том, что во всех исследуемых епархиях с установлением советской власти возобновились процессы по отделению Церкви от государства, однако в Забайкалье политика Дальневосточной республики была значительно более мягкой, чем политика Советской России. Непосредственные предпосылки обновленческого раскола во второй половине 1921 г. имели место только в Томской епархии, где протоиерей М. Торопов и священник П. Блинов активно практиковали церковные реформы, что привело к прещениям в отношении них со стороны управлявшего епархией епископа Виктора (Богоявленского).

Вторая глава **«Кампания по изъятию церковных ценностей и институционализация обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири (январь 1922 г. – апрель 1923 г.)»** посвящена исследованию процессов становления обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири на фоне кампании по изъятию церковных ценностей и выявлению их ключевых особенностей.

Первый раздел, **«Процессы становления обновленческого раскола в Западной Сибири»**, посвящен исследованию становления обновленческого

раскола, формированию его идеологии и анализу процесса противостояния обновленческих церковных группировок в Западной Сибири.

Делается вывод, что социальной базой для формирования раскола послужили клирики и миряне, поддержавшие кампанию по изъятию церковных ценностей. Очень быстро сформировавшееся в Томске обновленческое церковное управление заявило о своих претензиях на власть над всей церковной жизнью Сибири. Уже с конца августа 1922 г. сибирское обновленчество берет курс на установление женатого «епископата», который затем утверждается на Всесибирском предсоборном съезде в октябре 1922 г. В последние месяцы 1922 г. в Сибири оформляется противостояние между «Живой церковью» и «Союзом церковного возрождения», которое, однако, достаточно быстро прекращается. При активном участии светской власти сибирская группа «Союза церковного возрождения» фактически растворяется в «Живой церкви». Массовое распространение женатого «епископата» в Сибири еще до обновленческого II Поместного собора позволяет рассматривать «Сибирскую Живую церковь» данного периода, как отдельную церковную группировку.

Во втором разделе, **«Кампания по изъятию церковных ценностей и институционализация обновленческого раскола в Иркутской епархии»**, исследуется проведение кампании по изъятию церковных ценностей и становление обновленческого раскола в Иркутской епархии.

Автор делает вывод о том, что, несмотря на арест в Иркутске правящего архиерея в ходе кампании по изъятию церковных ценностей и активную пропаганду раскола в местной советской печати, духовенство епархии длительное время не выражало четкой позиции по отношению к обновленчеству. Формирование обновленческого церковного управления последовало только в сентябре 1922 г. при активной поддержке местных властей, с их помощью также подавлялась имевшая место оппозиция обновленчеству. Ряд процессов, характерных для Западной Сибири, в Иркутской епархии не нашли своего отражения, в частности, отсутствовало противостояние между церковными

группировками, поскольку все обновленцы причисляли себя к «Сибирской Живой церкви».

Третий раздел, **«Положение Забайкальской епархии в 1922 г. и институционализация обновленческого раскола в Забайкалье»**, посвящен анализу ситуации в Забайкальской епархии на протяжении 1922 г. и становлению обновленческого раскола в данном регионе.

В рамках раздела делается вывод о том, что, поскольку на территории Дальневосточной республики в 1922 г. кампания по изъятию церковных ценностей и активная пропаганда раскола не осуществлялись, местное духовенство не было вовлечено в процессы, происходившие в Советской России, и сохраняло верность Патриарху Тихону. Становление раскола в Забайкалье началось только после присоединения республики к РСФСР и проходило форсированными темпами в марте-апреле 1923 г. Оппозиция обновленчеству в регионе в этот период фактически отсутствовала, однако и церковные реформы забайкальскими обновленцами практически не проводились.

В третьей главе **«Обновленческий раскол в Западной и Восточной Сибири в период между II и III обновленческими Поместными соборами»** исследуется развитие сибирского обновленчества и укрепление его идеологии на фоне роста оппозиции расколу в первой половине 1920-х гг.

Первый раздел, **«Сибирская делегация на обновленческом II Поместном соборе»**, посвящен участию представителей сибирского обновленчества в работе обновленческого II Поместного собора.

Автор делает вывод о том, что сибирские обновленцы стремились продвинуть свою идеологию на соборе, однако фактически поставленный ими «епископат» не признавался частью обновленцев, и вопрос его признания был урегулирован только после вмешательства советской власти. Сибирская обновленческая идеология на соборе не была в полной мере принята, что не устроило прибывшую из Сибири делегацию, которая взяла курс на дальнейшее развитие реформ и расширение собственной автономии от Москвы.

Во втором разделе, «**Западносибирское обновленчество в период между II и III Поместными соборами**», исследуется развитие руководящих органов сибирского обновленчества и положение Новониколаевской и Томской обновленческих епархий в период между II и III обновленческими Поместными соборами.

Делается вывод о том, что в исследуемый период в Западной Сибири активно развивается процесс возвращения приходов в Патриаршую Церковь, борьбу с которой обновленчество осуществляет при помощи пропаганды и опоры на советскую власть. В то же время, после II Поместного собора укрепляются автокефалистские стремления сибирских обновленцев, декларируется необходимость распространения брачного «епископата» на все обновленчество. Именно идея повсеместного внедрения семейной «иерархии» окончательно становится отличительной чертой сибирского обновленчества. Апогеем развития этой идеологии стал II Всесибирский церковный съезд 1924 г. В то же время к середине 1925 г. в Западной Сибири обновленчество оказывается в меньшинстве в губернских городах, сохраняя примерно равное число приходов с канонической Церковью в сельской местности.

Третий раздел, «**Иркутская обновленческая епархия в период между II и III Поместными соборами**», посвящен исследованию положения Иркутской обновленческой епархии в период между II и III обновленческими Поместными соборами.

Делается вывод, что в Иркутской епархии на протяжении рассматриваемого периода также развивался процесс возвращения общин и духовенства в каноническую Церковь, причем борьбу с Патриаршей Церковью обновленцы аналогично осуществляли путем пропаганды и опоры на государственные органы власти и карательные органы. В отличие от Западной Сибири, иркутские обновленцы стремились соблюдать принципы выборности и сменяемости местной епархиальной власти, а также развивать миссионерскую и пропагандистскую работу, хотя обновленческие церковные реформы на епархиальном уровне осуществлялись крайне слабо.

В это же время в Восточной Сибири антирелигиозная пропаганда начинает подвергаться критике и обновленцев. Имели место отдельные случаи притеснений обновленческих общин со стороны государственной власти, однако в этот период они не являлись систематическими.

Четвертый раздел, **«Становление Дальневосточного областного церковного совета и положение Читинской обновленческой епархии в период между II и III обновленческими Поместными соборами»**, посвящен развитию обновленческого раскола на Дальнем Востоке в целом и положению Забайкальской обновленческой епархии в частности в период между II и III обновленческими Поместными соборами.

Автор приходит к выводу, что на Дальнем Востоке к концу 1923 г. только начинается процесс становления самостоятельных областных обновленческих органов, которые большую часть рассматриваемого периода еще воспринимались, как часть Сибирской обновленческой церкви. Окончательно их независимость от Новониколаевска оформилась только во второй половине 1925 г. При этом Забайкалье являлось лучшей обновленческой епархией на Дальнем Востоке.

Имевшая место оппозиция расколу в Читинской епархии была подавлена при помощи государственной власти к концу 1923 г. и вновь начала развиваться только с февраля 1924 г. В Забайкалье активно распространялась обновленческая пропаганда, и сохранялся принцип выборности и сменяемости руководящих органов епархии.

Четвертая глава **«Обновленческий раскол в Западной и Восточной Сибири в период от III Поместного собора до деления Сибирской митрополии на Западно-Сибирскую и Восточно-Сибирскую (конец 1925 – начало 1931 гг.)»** посвящена исследованию положения обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири во второй половине 1920-х гг. и самом начале 1930-х гг.

В первом разделе, **«III обновленческий Поместный собор и руководящие органы Сибирской обновленческой церкви в конце 1925 – 1929 г.»**, рассматривается участие сибирской и дальневосточной делегаций в

обновленческом III Поместном соборе, и исследуется деятельность руководящих структур Сибирской обновленческой церкви во второй половине 1920-х гг.

Автор приходит к выводу, что на обновленческом III Поместном соборе сибирские и дальневосточные делегаты отстаивали идею повсеместного распространения брачной «иерархии», хотя их роль была менее заметна, нежели на II Поместном соборе. Стремление сибиряков к автокефалии не учитывалось в Москве и в ходе собора никак не было отражено. Вместе с тем, в Сибири идея семейного «епископата» в дальнейшем продолжала развиваться и усугубляться. Планировалось отстаивать ее на IV Поместном соборе, который, однако, не состоялся.

В рассматриваемый период Сибирская церковь признала выход из своего подчинения Дальневосточной митрополии, однако оспаривала подчинение ей Верхнеудинской и Читинской епархий. На протяжении второй половины 1920-х гг. в Сибири активно создавались новые обновленческие епархии на базе бывших викарятств, однако этот процесс привел к ослаблению раскола, и к концу исследуемого периода ряд новых епархий вновь были упразднены. Декларируемое усиление пропаганды обновленчества также не имело широкой поддержки на епархиальном уровне. К 1927 г. процесс возвращения общин в каноническую Церковь практически прекратился, на фоне принятия «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского), напротив, оформилась тенденция по переходу клира и общин в обновленчество, хотя этот процесс не имел значительных масштабов. Государственная поддержка Сибирской церкви во второй половине 1920-х гг. постепенно сошла на нет, хотя и активное притеснение обновленцев еще не имело места.

Второй раздел, **«Новосибирская, Томская, Иркутская и Читинская обновленческие епархии в 1925 – 1929 гг.»**, посвящен исследованию изменений в положении обновленческих епархий Западной и Восточной Сибири в конце 1925 – 1929 гг.

Автором делается вывод, что в Новосибирской, Томской и Иркутской епархиях к 1927 г. процесс возвращения духовенства и общин в Патриаршую

Церковь прекратился, сменившись переходом отдельных приходов в обновленчество, хотя эта тенденция и не имела значительных масштабов. В Забайкалье на протяжении всего исследуемого периода продолжался процесс перехода общин в каноничную Церковь, обратная тенденция к концу 1920-х гг. в регионе не оформилась.

К концу 1920-х гг. в Новосибирской, Иркутской и Забайкальской епархиях обновленчество уступало каноничной Церкви по числу приходов и клира. В Томской епархии преимущество по числу общин принадлежало сторонникам Временного высшего церковного совета. На фоне значительного сокращения государственной поддержки, единственным способом борьбы с другими юрисдикциями оставалась обновленческая пропаганда, которая к концу исследуемого периода осуществлялась довольно слабо, ввиду нехватки средств на пропагандистскую деятельность.

В третьем разделе, **«Первая волна гонений на обновленческий раскол в Западной и Восточной Сибири»**, исследуется положение обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири на рубеже 1920-х – 1930-х гг. на фоне начала первой волны гонений на обновленчество в СССР.

Делается вывод о том, что во всех исследуемых епархиях с конца 1929 г. развивался процесс массового закрытия обновленческих храмов, а также имели место аресты клириков и добровольное снятие сана обновленческим духовенством, что, в целом, соответствовало общим для СССР тенденциям. Пропагандистская работа в первой половине 1930 г. велась только на уровне Сибирской митрополии, епархии не имели возможности для осуществления обновленческой пропаганды и какой-либо деятельности, помимо коммуникации с местными органами власти, целью которой являлось облегчить давление на общины и духовенство.

В конце рассматриваемого периода Сибирская митрополия была разделена на Восточно-Сибирскую и Западно-Сибирскую, в соответствии с новым гражданским районированием Сибири, что, с одной стороны, ослабляло

обновленчество, с другой – позволяло новым митрополитанским структурам более продуктивно работать с местными органами власти.

В пятой главе **«Обновленческий раскол в Западной и Восточной Сибири в 1930-х – начале 1940-х гг. (период от разделения Сибирской митрополии до окончательной ликвидации раскола в Сибири)»** исследуется положение обновленческого раскола в Сибири в 1930-х гг., определяются ключевые особенности этого положения, и анализируется процесс окончательной ликвидации сибирского обновленчества.

Первый раздел, **«Западно-Сибирская обновленческая митрополия, Новосибирская и Томская обновленческие епархии в 1931 – начале 1935 г.»**, посвящен положению Западно-Сибирской обновленческой митрополии, а также Новосибирской и Томской обновленческих епархий в первой половине 1930-х гг.

Автор приходит к выводу, что процессы ликвидации обновленческих приходов продолжались в Западной Сибири фактически на протяжении всего рассматриваемого периода. Некоторое ослабление давления на обновленческие общины в регионе имело место только в 1933 г. В первой половине 1930-х гг. неоднократно менялись административные границы епархий в Западной Сибири и самой Западно-Сибирской митрополии. Были упразднены Щегловская и Каменская епархии, из состава митрополии вышла Омская епархия.

Кроме того, значительно усилился контроль над митрополией со стороны обновленческого Священного Синода. Недовольство политикой митрополии, в конечном счете, привело к смещению «митрополита» Петра Блинова.

Обновленческая пропагандистская работа в Западной Сибири в исследуемый период осуществлялась крайне слабо, некоторое ее усиление последовало только в 1932 г. Вместе с тем, томский «архиепископ» Сергей Дмитриевский в Москве считался видным богословом и некоторое время воспринимался, как возможный глава митрополии в случае смещения «митрополита» Петра.

Второй раздел, **«Восточно-Сибирская обновленческая митрополия, Иркутская и Читинская обновленческие епархии в 1931 – начале 1935 г.»**,

посвящен исследованию положения обновленческого раскола в Восточной Сибири в первой половине 1930-х гг. Отдельное внимание уделяется в рамках раздела Иркутской и Читинской обновленческим епархиям.

Автор приходит к выводу, что в первой половине 1930-х гг. в Восточной Сибири также продолжался процесс сокращения числа обновленческих приходов. Наиболее тяжелое для обновленчества положение сложилось в Забайкалье, в относительно стабильном положении оставалась Канская обновленческая епархия.

Обновленческая пропаганда в Восточной Сибири велась только в период управления митрополией «архиепископа» Алексия Копытова, который зарекомендовал себя, как последовательный сторонник обновленческой идеологии. В дальнейшем фактически пропагандистская работа на уровне митрополии и отдельных епархий прекратилась.

Как и в Западной Сибири, в этот период значительно усилился контроль над Восточно-Сибирской митрополией со стороны обновленческого Священного Синода. Фактически оба главы митрополии, «архиепископы» Алексей Копытов и Василий Макушев, были смещены вследствие конфликтов с Синодом. В конечном итоге, решением Синода сама митрополия была ликвидирована, а ее приходы разделены между Красноярской и Иркутской епархиями, причем во главе последней был поставлен «архиепископ» Константин Знаменский, который виделся синодальному уполномоченному, «протопресвитеру» Н. Лаванову, наиболее управляемой фигурой.

В третьем разделе, **«Новосибирская, Томская и Иркутская обновленческие епархии во второй половине 1930-х гг. и окончательная ликвидация обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири»**, исследуется положение обновленческого раскола в Сибири во второй половине 1930-х гг. и процесс окончательной ликвидации сибирского обновленчества.

Автор приходит к выводу, что в 1935-1936 гг. процесс закрытия обновленческих приходов в Сибири вновь приобретает массовый характер. На этом фоне обновленческая пропаганда на уровне епархий и Западно-Сибирской

митрополии фактически не ведется, на приходском уровне происходит полный отказ от обновленческой идеологии, хотя у духовенства и «архиереев» сохраняется надежда на прекращение преследований и стабилизацию ситуации.

Со второй половины 1937 г. начинаются массовые репрессии против обновленческого клира и «иерархии» в Западной Сибири. На территории Иркутской епархии аналогичные процессы развивались в феврале и марте 1938 г. Фактически большая часть оставшегося обновленческого духовенства в исследуемых регионах была физически уничтожена, причем определенно властями ставилась цель именно ликвидировать религиозные структуры, поскольку обвинения против арестованных клириков и «архиереев», зачастую, не соответствовали действительности.

С середины 1938 г. в Сибири оставались единичные обновленческие приходы, зачастую, действовавшие по недосмотру властей. Часть из них, вероятно, в этот период перешла в непосредственное подчинение обновленческого Первоиерарха Православных церквей в СССР. Последние обновленческие храмы в Сибири были закрыты весной 1941 г. В дальнейшем попыток реставрации обновленчества в исследуемых регионах не предпринималось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящей диссертации автором было предпринято исследование процессов становления, развития и ликвидации обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в 1920-х – начале 1940-х гг. на материалах четырех обновленческих епархий: Новосибирской, Томской, Иркутской и Читинской. Следуя логике развития исторического процесса, также были исследованы потенциальные предпосылки раскола в Сибири в дореволюционный период, период Гражданской войны и в первые годы после установления советской власти в регионе.

История обновленческого раскола в Сибири может быть подразделена на несколько этапов:

1. Период кампании по изъятию церковных ценностей и институционализации раскола (февраль 1922 – апрель 1923 г.), охватывающий события от начала кампании по изъятию церковных ценностей до начала обновленческого II Поместного собора. Данный период кратко можно охарактеризовать, как время создания структур Сибирской обновленческой церкви и зарождения отличительных черт ее идеологии.
2. Период от II до III обновленческого Поместного собора (май 1922 – сентябрь 1925 г.), включающий события наиболее активной фазы противостояния между обновленчеством и канонической Церковью на фоне кристаллизации обновленческой идеологии и освобождения из заключения Патриарха Тихона (Беллавина), а также восстановлении структур Патриаршей Церкви на местах. Кратко можно охарактеризовать данный период, как время наиболее ожесточенного противостояния обновленчества и канонической Церкви в Сибири и активного развития сибирской обновленческой идеологии, противопоставления сибирского и «московского», «всероссийского», обновленчества.
3. Период от начала обновленческого III Поместного собора до разделения Сибирской обновленческой митрополии на Западно-Сибирскую и Восточно-Сибирскую (октябрь 1925 г. – январь 1931 г.), охватывающий события стабилизации положения обновленческого раскола и первую волну гонений на обновленчество на фоне коллективизации и индустриализации в СССР. Можно говорить о том, что в этот период численность обновленческих приходов в Сибири стабилизировалось, однако постепенно раскол практически полностью утратил государственную поддержку, столкнувшись с массовыми преследованиями на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Кроме того, для данного периода характерен постепенный отказ от собственно сибирской обновленческой идеологии, прекращение

идеологической конфронтации между сибирским и «всероссийским» («всесоюзным») обновленчеством.

4. Период от разделения Сибирской митрополии до окончательной ликвидации раскола в Сибири (январь 1931 г. – май 1941 г.), охватывающий большую часть 1930-х гг. и начало 1940-х гг. Для данного периода характерно усиление контроля обновленческого Священного Синода за положением сибирских епархий и постепенная утрата последними остатков собственной идеологии, а затем и полный отказ от обновленческой пропаганды и идеологической работы на фоне тотальной ликвидации приходов и епархиальных структур. Завершился данный период полной ликвидацией сибирского обновленчества, которое практически прекратило существовать после периода Большого террора, оставаясь представлено только несколькими разрозненными приходами, окончательно закрытыми весной 1941 г.

Опираясь на данную периодизацию и учитывая также необходимость исследования потенциальных предпосылок обновленческого раскола, автор разделил настоящее исследование на пять глав.

В первой главе были исследованы потенциальные предпосылки обновленческого раскола в Сибири на материалах Томской, Иркутской и Забайкальской епархий. Было определено, что потенциальные предпосылки обновленческого раскола следует подразделять на внутрицерковные и социально-политические, относя к первым стремление к церковному реформированию, созвучное будущим обновленческим преобразованиям, и понимая под вторыми симпатии отдельных клириков к социалистической идеологии и стремления к ее переносу в церковные отношения и богословие. На основании проведенного исследования, можно говорить о том, что преемство между обсуждением потенциальных церковных реформ в дореволюционный период и обновленческой идеологией имело место только в Томской епархии. При этом четко выраженные социально-политические предпосылки раскола отсутствовали во всех исследуемых сибирских епархиях.

Непосредственно после Февральской революции идеи, сходные с обновленческими концепциями церковных реформ, в Сибири не высказывались, однако ряд будущих обновленческих деятелей проявили себя активными сторонниками революции и выступили с поддержкой преобразований в государстве. С другой стороны, почти все они быстро были оттеснены от активной епархиальной деятельности на фоне роста недовольства Временным правительством в церковной среде к середине 1917 г. Проекты церковных реформ, созвучных обновленческим, в период между Февральской и Октябрьской революциями в исследуемых епархиях не поднимались.

В первый период существования советской власти в Сибири, с конца 1917 г. по середину 1918 г., среди духовенства росло недовольство религиозной политикой большевиков, и какая-либо массовая поддержка новой власти в церковной среде отсутствовала. На этом фоне вполне очевидным представляется активное сотрудничество духовенства с белыми силами в Сибири. Отдельные случаи поддержки духовенством советской власти и красных партизан из рассматриваемых регионов имели место только в Забайкалье, причем никаких связей между этим сотрудничеством и обновленческим расколом в дальнейшем не обнаруживается. С другой стороны, в отдельных статьях, публиковавшихся в «Томском церковно-общественном вестнике» в период Гражданской войны, просматриваются идеи, созвучные обновленческим. В частности, в этот период будущим обновленческим «архиереем» священником И. Фокиным поднималась идея сибирской церковной автономии, в дальнейшем активно развивавшаяся сибирскими обновленцами.

После окончательного установления советской власти в Сибири процесс отделения Церкви от государства возобновился, хотя осуществлялся в разных регионах различно, ввиду того, что Забайкальская епархия оказалась включенной в состав ДВР, где проводилась отличная от Советской России религиозная политика. Четкие социально-политические предпосылки обновленчества в исследуемых регионах в этот период отсутствовали, однако в Томске развивалась активная реформистская деятельность будущих обновленческих лидеров

протоиерея М. Торопова и священника П. Блинова, ранее не зарекомендовавших себя в качестве сторонников церковных реформ.

В целом, на протяжении периода с 1905 по конец 1921 г. в исследуемых епархиях фактически отсутствовали социально-политические предпосылки обновленчества, однако сходная будущему расколу церковно-реформистская идеология развивалась в Томске, причем можно проследить определенное ее преемство от 1905 к 1918 г., хотя наиболее активные сторонники реформ в 1921 г. не имели к ней прямого отношения и не являлись ее приверженцами ранее. Иными словами, идеологический фундамент для церковных преобразований в Западной Сибири существовал, однако он не послужил катализатором для оформления раскола на региональном уровне.

Вторая глава была посвящена анализу кампании по изъятию церковных ценностей и процессов институционализации обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири. Было определено, что непосредственной социальной базой для оформления раскола стали клирики и миряне, поддержавшие кампанию по изъятию церковных ценностей в первой половине весны 1922 г. Условия для институционализации обновленчества были созданы местными властями, в частности, были арестованы правящие архиереи в Томске и Иркутске. На этом фоне становление обновленческих институций в Томской епархии прошло крайне быстро, однако с первых дней их существования оформилась оппозиция расколу со стороны части духовенства. Через неделю после своего создания Томское церковное управление заявило о своих претензиях на власть над епархиями во всей Сибири, преобразовавшись собственно в Сибирскую обновленческую церковь и получив соответствующую поддержку от Сибирского революционного комитета. В то же время реальная поддержка данной структуры за пределами Томской епархии начала оформляться только по прошествии более месяца.

Усиление сибирского обновленчества происходит в конце лета 1922 г. после вхождения в его состав архиереев старого поставления. В этот же период оформляется курс на «семейный епископат», первым шагом к развитию которого становится принятие в «сущем сане» бывшего епископа Александра

Александровича Сидоровского, снявшего сан и вступившего в брак еще в 1920 г. Окончательное закрепление данной идеи происходит на Всесибирском предсоборном съезде в октябре 1922 г., причем «семейный епископат» начинает активно внедряться в Сибири без какого-либо согласования с обновленческим Высшим церковным управлением. На этом фоне происходит разделение между сибирской «Живой церковью» и «Союзом церковного возрождения» в Сибири, причем создается параллельная иерархия двух церковных группировок, хотя юрисдикция «Союза» фактически распространялась только на Новониколаевскую епархию. К декабрю 1922 г. при поддержке властей «Союз церковного возрождения» в Сибири фактически поглощается «Живой церковью», хотя формально декларируется создание коллегиального Сибирского областного церковного управления. При этом радикальные отличия сибирского обновленчества в этот период, в частности, его стремление к тотальному насаждению «семейного епископата» и борьба с монашеством, позволяют рассматривать «Сибирскую Живую церковь», как отдельную церковную группировку, только номинально причисляющую себя к остальной «Живой церкви».

В Иркутской епархии институционализация раскола происходит только в сентябре 1922 г. также при поддержке местных властей. После назначения в епархию обновленческого «архиепископа» Николая Чижова в октябре 1922 г. окончательно оформилась оппозиция расколу, активные действия которой вынудили «архиерея» отказаться от последовательного осуществления церковных реформ на епархиальном уровне. В Забайкалье процесс оформления обновленчества начинается только после вхождения ДВР в состав Советской России, с начала 1923 г. Ранее регион не был затронут ни кампанией по изъятию церковных ценностей, ни обновленческой пропагандой и не воспринимался Сибирской обновленческой церковью, как часть своей юрисдикции, местное духовенство на протяжении 1922 г. сохраняло верность Патриарху Тихону (Беллавину). Становление обновленчества в Забайкалье происходило форсированными темпами, так же, как и в других исследуемых регионах, на фоне

ареста канонического архиерея и ряда представителей духовенства при значительной поддержке местных властей. Оппозиция расколу в регионе в первые месяцы 1923 г. была крайне немногочисленной, с другой стороны, возглавивший епархию обновленческий «архиепископ» Михаил Орлов не стремился к активному внедрению церковных реформ, вероятно, принимая во внимание негативный опыт обновленчества в других епархиях.

Подавление оппозиции расколу в Сибири повсеместно велось с опорой на государственные карательные органы. В то же время, к началу 1923 г. в большинстве исследуемых регионов противники раскола отошли от активных действий, ожидая прояснения положения Церкви на грядущем Поместном соборе.

В целом, институционализация обновленческого раскола в Сибири определенно шла с опорой на органы государственной власти и государственные карательные органы, и особенности процессов становления обновленчества зависели от политики местных советских властей. Уже в период институционализации закладываются отличительные особенности сибирского обновленчества, в первую очередь его непримиримое отношение к монашеству и стремление к тотальному насаждению «семейного епископата», наличие которых позволяет говорить о «Сибирской Живой церкви», как об отдельной церковной группировке с отличной от остальной «Живой церкви» идеологией. В то же время эти особенности в ряде сибирских регионов в значительной мере в этот период не проявились.

В третьей главе было исследовано положение обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в период от II до III обновленческого Поместного собора. Было обозначено, что, несмотря на представительную делегацию, сформированную для участия в обновленческом II Поместном соборе, сибирский «епископат» первоначально не был признан в Москве, его «легализация» осуществлялась только после значительных дискуссий и вмешательства советской власти, причем хиротонии сибирских «епископов» были восполнены иерархами старого поставления. Формально после этого глава Сибирской обновленческой церкви «митрополит» Петр Блинов стал председателем собора, однако

фактически сибирская делегация почти не принимала активного участия в соборной работе. Поставленная самочинно даже с точки зрения обновленцев, сибирская «иерархия», таким образом, была признана, однако распространить свою идеологию за пределами Сибири ей не удалось.

Итоги II Поместного собора определенно не удовлетворили сибирских обновленцев, вследствие чего продолжилось развитие собственной идеологии, базирующейся на стремлении к повсеместному внедрению брачного «епископата», а также оформились тенденции к обретению автокефального статуса, хотя последний не понимался в виде полной независимости от обновленческого Священного Синода. Сибирская обновленческая идеология закрепились и на Дальнем Востоке, хотя местные обновленческие структуры фактически стали независимы от Сибирской церкви к середине 1925 г.

В то же время на епархиальном уровне постановления Сибирской церкви исполнялись крайне слабо. Самостоятельная пропагандистская работа из исследуемых регионов велась только в Иркутской обновленческой епархии. Декларируемые церковные реформы в епархиях проводились в незначительном объеме. На протяжении всего рассматриваемого периода на фоне оглашения антиканоничных постановлений II Поместного собора и освобождения из заключения Патриарха Тихона (Беллавина) в Сибири наблюдался рост оппозиции обновленческому расколу. Причем сторонники каноничной Церкви, как правило, были непримиримы по отношению к раскольникам. В то же время, к концу периода Патриаршая Церковь ощутимо доминировала только в губернских городах. В сельской местности, где духовенство ранее признало раскол по инерции и, зачастую, не разбиралось в проблемах каноничности, к осени 1925 г. баланс сил между каноничной Церковью и обновленчеством был приблизительно равным. Противодействие Патриаршей Церкви на общесибирском и епархиальном уровнях осуществлялось путем пропаганды и опоры на местные власти и советские карательные органы, которые продолжали действовать преимущественно в интересах раскола.

В целом, между II и III обновленческими Поместными соборами окончательно оформились стремления сибирского обновленчества к распространению собственной идеологии на весь СССР, а также к автокефалии от Москвы. При этом на уровне епархий обновленческая пропаганда осуществлялась, по преимуществу, довольно слабо, кроме того, раскол в этот период столкнулся с ростом сопротивления со стороны каноничной Церкви.

В четвертой главе было проведено исследование положения обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в период от начала обновленческого III Поместного собора до разделения Сибирской митрополии в январе 1931 г. На основании проведенного исследования можно говорить о том, что влияние сибирского обновленчества на обновленческом III Поместном соборе сократилось в сравнении со II Поместным собором. Сибирская идеология и стремления Сибирской обновленческой церкви к автокефалии не нашли никакого отражения в принятых собором постановлениях, хотя сибирская и дальневосточная делегации активно отстаивали идеи «семейного епископата» на соборе. В первый год после собора сибирская обновленческая идеология продолжала развиваться в Новосибирске, причем предполагалось ее более активное продвижение на планируемом обновленческом IV Поместном соборе, который, однако, не состоялся.

В то же время, к концу 1926 г. на фоне стремления обновленческого Священного Синода к большему контролю за епархиями и митрополиями и изменения требований государственной регистрации религиозных структур сибирское обновленчество практически отказалось от автокефалистских стремлений, признав себя одной из митрополий, наряду со структурами в других регионах СССР. В этот же период происходит окончательное признание Сибирским областным митрополитанским церковным управлением Дальнего Востока, как самостоятельной митрополии, хотя некоторые его территории, в частности, Верхнеудинская и Забайкальская епархии оспаривались Новосибирском.

Сибирское обновленчество в рассматриваемый период стремилось к активному развитию пропаганды и просветительской деятельности, однако многие принимаемые на уровне митрополии решения фактически епархиями не осуществлялись. Ввиду нового гражданского районирования, упразднения губерний и создания единого Сибирского края, ряд викариатств было постановлено преобразовать в самостоятельные епархии, однако многие из них оказались нежизнеспособны и вскоре вновь были присоединены к более крупным епархиальным структурам.

До 1927 г. в исследуемых сибирских епархиях продолжался процесс возвращения обновленческих приходов и клириков в каноничную Церковь, который значительно сократился после начала внутренних разделений в Патриаршей Церкви и принятия «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского). В это же время в Новосибирской, Томской и Иркутской епархиях начался обратный процесс по переходу каноничных приходов в обновленчество, однако он не имел значительных масштабов. В Забайкалье переход обновленческих общин в каноничную Церковь продолжился и после 1927 г. Борьба с Патриаршей Церковью и начавшим оформляться в Сибири «григорианским» расколом в этот период продолжала вестись обновленчеством с опорой на местные органы власти, однако поддержка с их стороны постепенно сокращалась. Кроме того, обновленческие общины страдали от несоразмерного доходам налогообложения, вследствие чего имели место случаи добровольной сдачи храмов государству.

К 1929 г. все исследуемые обновленческие епархии испытывали материальные сложности, как ввиду чрезмерного налогообложения, так и по причине незначительного, в сравнении с каноничной Церковью, числа прихожан. Поддержка обновленчества со стороны местных властей к этому моменту почти полностью сошла на нет в Сибири, поэтому противостояние с Патриаршей Церковью и «григорианским» расколом осуществлялось исключительно методами пропаганды, средств для ведения которой у обновленческих епархий не хватало.

С 1930 г. на фоне процессов коллективизации и индустриализации начинается массовое закрытие обновленческих приходов в исследуемых епархиях, причем раскол, ввиду сложного материального положения, оказывается в худших условиях, нежели каноничная Церковь. В частности, ряд обновленческих храмов в Сибири закрываются исключительно из-за неспособности выплачивать налоги. Кроме того, в рамках общих тенденций по преследованию религиозных организаций в СССР, ряд обновленческих клириков в исследуемых епархиях подвергаются арестам и ссылкам. На этом фоне увеличивается число случаев добровольного снятия сана священнослужителями-обновленцами, хотя нельзя говорить о массовости данной тенденции. Обновленческая пропаганда в 1930 г. практически полностью прекращается во всех исследуемых епархиях. Митрополия и епархиальные структуры занимаются исключительно вопросами сохранения храмов и освобождения священнослужителей от преследований. На фоне разделения Сибирского края на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский в январе 1931 г. происходит и аналогичное разделение митрополии, которое, с одной стороны, ослабляет обновленчество в Сибири, с другой – упрощает коммуникацию новых митрополитанских управлений с краевыми органами власти.

В целом, можно говорить о том, что в рассматриваемый период сибирское обновленчество вошло в состояние стагнации и постепенно окончательно лишилось существенной государственной поддержки. Произошел отказ от автокефалистских стремлений, а также существенно сократилась идеологическая работа. К значительному сокращению обновленчества во всех исследуемых епархиях привели гонения на религиозные организации на фоне процессов коллективизации и индустриализации.

Пятая глава настоящего исследования была посвящена истории обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири на протяжении большей части 1930-х и начала 1940-х гг. В ней рассматривались процессы постепенной ликвидации сибирского обновленчества в этот период на материалах четырех исследуемых епархий. Было определено, что процесс ликвидации

обновленческих приходов продолжался на протяжении всего данного периода, некоторое его замедление имело место только в 1933 и первой половине 1934 г. Вместе с тем, в некоторых епархиях положение оставалось более стабильным, в частности, в Восточной Сибири в относительно стабильном положении в первой половине 1930-х гг. находилась Канская обновленческая епархия.

На фоне ликвидации приходов сокращалось и число обновленческих епархий, среди которых значительно пострадавшие от гонений постепенно присоединялись к более крупным. К началу периода Большого террора в Западно-Сибирской митрополии остались только Новосибирская и Томская обновленческие епархии, Восточно-Сибирская митрополия была разделена на Красноярскую и Иркутскую епархии. Обновленческая пропаганда во всех исследуемых епархиях значительно ослабла в первой половине 1930-х гг., хотя некоторые попытки ее реставрации предпринимались, в частности, в связи с десятилетием обновленчества в 1932 г. К этому времени сибирское обновленчество полностью отказалось от развития собственной идеологии. Централизованная государственная поддержка обновленчества в этот период не осуществлялась, имели место случаи поддержки отдельных общин местными властями, однако это следует считать, скорее, частными примерами сохранения отношения к расколу, бытовавшего в 1920-х гг., у отдельных местных чиновников.

В то же время обновленческий Священный Синод стремился к максимальному усилению контроля над епархиями и митрополиями в Сибири. Проявления несогласия с отдельными синодальными решениями привели к смещению обоих глав Восточно-Сибирской митрополии и ее расформированию, как структуры, а также перемещению «митрополита» Петра Блинова в Минск, что положило конец Сибирской обновленческой церкви, как самостоятельному феномену внутри обновленческого раскола.

Во второй половине 1930-х гг. пропагандистская работа полностью прекратилась. На этом фоне на приходском уровне различия между обновленчеством и канонической Церковью практически стерлись. В то же время

до середины 1937 г. обновленцы в Сибири сохраняли надежду на стабилизацию ситуации и прекращение ликвидации храмов. Во второй половине 1937 г. массовым репрессиям подвергаются «архиереи» и клирики западносибирских обновленческих епархий. В феврале-марте 1938 г. аналогичные репрессии разворачиваются и в Восточной Сибири. Обновленцы репрессировались в этот период так же, как и духовенство канонической Церкви, принципиальная разница между ними в глазах советских карательных органов отсутствовала.

К середине 1938 г. все исследуемые епархии прекратили свое существование. В Западной и Восточной Сибири остались единичные действующие обновленческие приходы, большинство из которых существовали по халатности местных властей. Следует полагать, что часть из них вошла в непосредственное подчинение Первоиерарху Православных церквей в СССР «митрополиту» Виталию (Введенскому), хотя документально подтвержден факт такого прямого подчинения только одного сибирского прихода. Какая-либо деятельность, помимо богослужебной, этими приходами на рубеже 1930-х – 1940-х гг., с большой вероятностью, не осуществлялась. Окончательно последние обновленческие приходы на территориях исследуемых епархий были ликвидированы весной 1941 г. В дальнейшем попыток возрождения обновленчества на данных территориях не предпринималось.

В целом, на протяжении рассматриваемого период обновленческий раскол в Западной и Восточной Сибири постепенно полностью отказался от собственной идеологии, утратив идентичность, как относительно остального обновленчества, так и, на приходском уровне, относительно канонической Церкви. Кроме того, окончательно прекратилась государственная поддержка обновленчества в Сибири. Решающим фактором для ликвидации раскола в исследуемых регионах стали репрессии 1937-1938 гг., после которых в Сибири остались действовать единичные обновленческие приходы, полностью ликвидированные в 1941 г.

Обобщая выводы настоящего исследования, можно говорить о том, что возникновение сибирского обновленчества явилось следствием политики государственной власти, которая, однако, была искренне поддержана частью

духовенства, видевшего в сложившейся ситуации возможность для реализации своих идей, развивавшихся, как в дореволюционный период, так и в первые годы после окончания Гражданской войны в Сибири. С первых месяцев своего существования сибирское обновленчество начало оформляться в отдельную силу со своей идеологией, которая фактически сводилась только к постулированию тотального введения женатого «епископата», однако рассматривалась, как маркер сибирской церковной идентичности и причина для идейного противостояния с остальным обновленчеством. Наибольшее развитие данной идеологии имело место в период между II и III обновленческими Поместными соборами. В дальнейшем на фоне постепенного прекращения государственной поддержки наступает период стагнации сибирского обновленчества и постепенного угасания его идеологии при усилении контроля обновленческого Священного Синода над епархиями. Столкнувшись с гонениями со стороны властей, обновленчество в Сибири, не имея значительной поддержки мирян, неуклонно начало сокращаться, однако этот процесс занял более 10 лет, что можно рассматривать как свидетельство того, что раскол все же не существовал только за счет государственной поддержки и оставался жизнеспособен, пусть и в значительно сократившемся виде, вплоть до физического уничтожения «архиереев» и ряда священнослужителей в 1937-1938 гг. В то же время в период гонений происходит полный отказ сибирского обновленчества, как от собственной идеологии, так и, в большей части, от обновленческой идеологии вообще. В целом, следует рассматривать сибирское обновленчество, как самостоятельный феномен в рамках обновленческого раскола, возникший, однако, вследствие общих для России тенденций и не сумевший в полной мере реализовать свою идеологию, ввиду внешних обстоятельств.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ***Публикации в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:***

1. *Кульпинов С. С.* От кризиса к стагнации: Иркутская обновленческая епархия в период управления «архиепископа» Ильи Ивановича Фокина (ноябрь 1926 г. - ноябрь 1928 г.) // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2018. № 26. С. 105-121.
2. *Кульпинов С. С.* Несостоявшийся съезд Восточно-Сибирской митрополии в контексте положения обновленческого раскола в Восточной Сибири в 1931 – первой половине 1932 г. // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2019. № 29. С. 63-76.
3. *Кульпинов С. С., диак.* Процессы распространения обновленческих идей и институционализации обновленческого раскола в Иркутской епархии в материалах советской периодической печати (на примере газеты «Власть труда») // Христианское чтение. 2020. № 3. С. 159-170.
4. *Кульпинов С. С., диак.* История обновленческого раскола в источниках личного происхождения, принадлежащих перу «архиепископа» Алексея Петровича Копытова // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 328-338.
5. *Кульпинов С. С.* К проблеме взаимоотношений обновленческих и «григорианских» церковных структур в Восточной Сибири в 1926 – 1934 гг. // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2021. № 37. С. 100-111.
6. *Кульпинов С. С., диак.* К проблеме миссионерской деятельности Сибирской обновленческой церкви в первой половине 1920-х гг. // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 359-369.
7. *Кульпинов С. С.* К вопросу о постколониальном характере сибирской обновленческой церковности // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2022. № 39. С. 117-124.

8. *Кульпинов С. С.* Возникновение и становление обновленческого раскола в Западной Сибири (июнь – август 1922 г.) // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2022. № 40. С. 93-104.
9. *Кульпинов С. С., диак.* Противостояние обновленческих церковных группировок в Сибири (сентябрь – декабрь 1922 г.) // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 311-320.
10. *Кульпинов С. С., диак.* Изъятие церковных ценностей в Советской России – шок или ожидание? Материалы круглого стола / *Костромин К. А., протоиерей, Кульпинов С. С., диакон, Мазырин А. В., иерей, Митрофанов Ю. Н., протоиерей, Петров А. В., Петров И. В.* // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 37-47.

***Публикации в журналах и изданиях из Общецерковного перечня
рецензируемых изданий:***

11. *Кульпинов С. С., диак.* Подготовка к Обновленческому собору 1925 г. в Сибирской Обновленческой церкви (1924 – 1925 гг.) // Церковно-исторический вестник. 2019-2020. № 26-27. С. 180-192.
12. *Кульпинов С. С., диак.* К проблеме оценок синодального периода в обновленческом расколе (на сибирском материале) // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2021. № 3 (8). С. 230-240.
13. *Кульпинов С. С., диак.* К проблеме социально-политических предпосылок обновленческого раскола в Сибири в дореволюционный период (на материалах Омской, Томской и Иркутской епархий) // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2022. № 3. С. 160-176.
14. *Кульпинов С. С., диак.* Окончательная ликвидация обновленческого раскола в Восточной Сибири (1937-1939 гг.) // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. 2022. № 3. С. 45-57.
15. *Кульпинов С. С., диак.* К вопросу о внутрицерковных предпосылках обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири на примере Томской и

Иркутской епархий (1905 – 1906 гг.) // Богословский сборник Новосибирской православной духовной семинарии. 2022. № 1. С. 117-131.

16. *Кульпинов С. С., диак.* Институционализация обновленческого раскола в Забайкалье (1922 – первая половина 1923 г.) // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2022. № 4. С. 37-51.

17. *Кульпинов С. С., диак.* Мнимый конкордат: к вопросу о взаимоотношениях советских и партийных органов с обновленческим расколом на региональном уровне в конце 1922 — начале 1924 года // Томский богословский вестник. Теология. Право. Экономика. 2023. № 2 (4). С. 24-30.

18. *Кульпинов С. С., диак.* Томская и Асиновская епархия // Православная энциклопедия. М., 2023. Т. 68. С. 694-704.

19. *Кульпинов С. С., диак.* Сибирское обновленчество в условиях роста сопротивления расколу: II Всесибирский церковный съезд и его основные решения // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2023. № 1. С. 68-79.